

Кузнецов Игорь Анатольевич

**Российская аграрно-экономическая мысль в тюненовской перспективе  
(1875–1925)**

// История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 6 / Под ред.  
И.П.Смирнова. М., 2013. С. 376–411.

Русская аграрно-экономическая наука испытывала влияние многих европейских умов, но немногие из них оставались незримыми участниками ее дискуссий в течение всего времени ее самостоятельного существования с последней трети XIX в. до коллективизации. Среди таких фигур Иоганн Генрих фон Тюнен (1783–1850). Представляется, что взгляд на историю нашей аграрной мысли из тюненовской перспективы позволяет многое в ней увидеть более отчетливо. В частности, обнажить основной ее нерв – конкуренцию идей вокруг теории аграрной эволюции.

Немецкий помещик Тюнен прожил большую часть своей жизни в собственном имении Теллов близ Росток (Мекленбург). Помимо ведения хозяйства, он трудился над книгой, которая впоследствии вписала его имя в историю мировой экономической мысли как одного из основоположников экономики сельского хозяйства, экономической географии (теории размещения) и предшественников маржинализма. Первое издание знаменитого «Изолированного государства» («Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie») вышло в 1826 г., второе, переработанное с учетом критики и знакомства автора с теорией Д. Рикардо, в 1842 г., незаконченный второй том – посмертно в 1850 г. Первое русское издание появилось еще перед отменой крепостного права в 1857 г.<sup>1</sup> В нем переводчик Матвей Волков соединил оба тома, причем в некоторых случаях он изменил порядок глав и заменил точный перевод адаптированным пересказом. Следующий русский интерпретатор Тюнена Владимир Фукс, не ссылаясь на это издание, в 1871 г. сделал собственный краткий пересказ<sup>2</sup>. Идеи Тюнена вошли в круг обязательных знаний студентов российских аграрных вузов вместе с учебником «сельскохозяйственной экономии» А.П. Людоговского (1875) и далее до революции без них уже не обходились никакие курсы по экономике сельского хозяйства<sup>3</sup>. Второе (и пока последнее) русское издание Тюнена вышло в СССР в разгар НЭПа, будучи формально приурочено к столетию первого немецкого издания<sup>4</sup>.

Однако в статье речь пойдет не об усвоении идей Тюнена русской аудиторией<sup>5</sup>. Тюненовские идеи легли в основу методологического инструментария анализа форм и систем хозяйства в их историческом

<sup>1</sup> Тюнен И.Г. Уединенное государство в отношении к общественной экономии. Карлсруэ, 1857.

<sup>2</sup> Фукс В.А. Исследование поземельной ренты. Законы Д. Рикардо и Г.Ф. Тюнена. М., 1871. С. 97 – 159.

<sup>3</sup> Людоговский А.П. Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. СПб., 1875.

<sup>4</sup> Тюнен И.Г. Изолированное государство. / Под ред. А.А. Рыбникова. М., 1926.

<sup>5</sup> О восприятии Тюнена на российской почве есть статья современного немецкого историка-экономиста Й. Цвайнерта: Zweynert, Joachim. Zur russischen Thünen-Rezeption // Johann Heinrich von Thünen (1783-1850). Thünensches Gedankengut in Theorie und Praxis. Münster. 2002. S. 272–287.

развитии. Многие сформулированные им принципы получили самостоятельное, объективное значение. Для нас представляет интерес, как эти общие принципы аграрной теории воспринимались, эволюционировали, видоизменялись на российской почве, в эпоху, когда Россия была аграрной страной, и от того или иного решения ее «аграрного вопроса» во многом зависел выбор ее пути в XX веке.

\* \* \*

Прежде всего, полагаю, стоит напомнить, в чем заключалась концепция и метод Тюнена. Основная линия тюненовского труда посвящена анализу зависимости организации сельскохозяйственного предприятия от его расстояния до рынка и транспортных издержек. Тюнен придумал абстрактную модель замкнутого «государства», взяв за основу собственное поместье. В этой модели в центре «государства» находился единственный «город», служивший единственным рынком сбыта сельхозпродуктов; природные условия всех частей «государства» мыслились одинаковыми; единственным видом транспорта предполагался гужевой. Условия хозяйствования в разных частях «страны» отличались, следовательно, лишь величиной транспортных издержек. Под хозяйством Тюнен подразумевал имение, ведущееся при помощи наемного труда. Само собой предполагалось, что люди хозяйствуют рационально, т.е. с расчетом на максимальную прибыль и ни в коем случае не в убыток себе.

Исходя из бухгалтерии своего поместья, Тюнен составлял уравнения и вычислял, на каком расстоянии от «города» какая система хозяйства могла бы приносить максимально возможную ренту. В итоге он приходил к выводу, что системы должны расположиться концентрическими кругами, опоясывающими центр, – от наиболее интенсивных вблизи «города», до все более экстенсивных по мере удаления, пока на определенном расстоянии оказывалось экономически невозможным ведение уже никакого хозяйства.

Системы, по Тюнену, были таковы. В первом поясе – так называемое «вольное хозяйство», ориентированное на рынок в максимальной степени, в котором производятся скоропортящиеся и громоздкие продукты, такие как овощи и фрукты, масло и сливки, картофель, сено и др. «Вольная» система предполагает возможность придания хозяйству различного облика и направления, в зависимости от спроса на рынке. Ее существование обусловлено возможностью покупки удобрений (навоза) в городе дешево и в любом количестве, тогда как за пределами этого пояса удобрения должны производиться уже внутри хозяйств, что накладывает ограничения на выбор системы и делает необходимым придерживаться определенного севооборота. Следующим кругом у Тюнена оказался пояс не сельскохозяйственных, а «дровяных» хозяйств, специализирующихся на доставке в «город» дров из расположенных здесь лесов. В третьем поясе расположились хозяйства с обычной для Мекленбурга системой – семипольный севооборот, сочетающий зерновые с посевом трав и оставлением части полей под пастбище. В четвертом – хозяйства с трехпольной системой. За ним следовал пятый, «скотоводственный» пояс, а за ним сельское хозяйство прекращалось.

Разумеется, сама эта схема к исходу XIX в. выглядела уже архаикой. Но главную ценность представлял метод определения издержек и рент, предложенный Тюненем. Как он их считал? Он предполагал известной цену на хлеб в «городе»; теоретически он считал цену функцией спроса, который зависел от численности городского населения, практически – брал цифры из своей бухгалтерии. Известной была и стоимость перевозки хлеба на единицу расстояния – количество зерна, необходимого на корм лошадям для доставки груза на определенное расстояние, с прибавлением платы возчикам. Вычитая из рыночной цены хлеба стоимость транспорта, можно было подсчитать цену хлеба в местах производства (цена для хозяйства), на расстояниях А, В, С и т.д. от города. По мере удаления, разумеется, цена убывала, пока на определенном расстоянии не превращалась в 0. Там производство становилось уже невозможно. Однако на деле производство должно было бы прекратиться гораздо ближе, там, где не цена, а земельная рента становилась нулевой. Возникала задача: определить зависимость величины ренты от цены продукции.

Рентой Тюнен считал конечный доход землевладельца, максимально очищенный от всех возможных издержек, т.е. чистый доход имения с вычетом из него процентов на капитал, вложенный в недвижимое имущество, хозяйственные предметы (постройки, изгороди «и вообще все ценные предметы, отделяемые от земли»).

Издержки Тюнен считал следующим образом. Важнейшие затраты он остроумно разделил на 2 группы:

1) пропорциональные площади земли (пахота, боронование, посев, рытье канав и др.), они не зависели от объема продукции и при одной и той же системе хозяйства были постоянными;

2) пропорциональные величине жатвы (уборка, молотба, возка навоза<sup>6</sup> и др.).

К ним добавлялись издержки разного рода, которые не распределялись на какую-либо отрасль или часть хозяйства: ремонт построек, дорог, мостов, страховые взносы, «общие издержки администрации» и т.д., включая «жалование пастора и школьного учителя» и «содержание бедных». Чтобы иметь возможность подсчитывать ренту при различных ценах на зерно, Тюнен, на основе своей бухгалтерии, смог выразить  $\frac{3}{4}$  всех издержек в натуре, в объемах ржи ( $\frac{1}{4}$  осталась в денежном выражении).

Зная издержки, чтобы подсчитать ренту, надо было знать еще урожай; Тюнен и в этом вопросе ориентировался на средние показатели своего имения. Далее он делал расчеты величины ренты при заданной урожайности в зависимости от местной цены. Цена уменьшалась по мере удаленности хозяйства от рынка, и на определенном расстоянии он находил ту цену, при которой рента превращалась в 0. Тем самым он находил предельное

---

<sup>6</sup> Возку навоза Тюнен относил к издержкам пропорциональным величине урожая, а не площади на основании «закона возврата» Либиха, т.к. чем больше был снят урожай с поля, тем больше питательных веществ потеряла почва, и следовательно хозяин должен был возместить эти потери внесением удобрений в соответствующем объеме.

расстояние от «города», за которым производство хлеба было уже невыгодным.

Далее, при одной и той же системе хозяйства уровень урожайности зависит от плодородия почвы, полагал Тюнен. И вычислял доходы и ренту имения для разных классов почв с разной урожайностью (сам-10, сам-9 и т.д.). Он приходил к закономерному выводу, что снижение плодородия экономически равнозначно увеличению расстояния от рынка, и возделывание менее плодородных, как и более удаленных участков, возможно только тогда, когда «цена на хлеб значительно высока». Тюнен также учитывал, что плодородие почвы может повышаться усиленным удобрением. Вводя повышенные затраты навоза в свои расчеты, он определял тот уровень цен, при котором такие затраты были рентабельны, или уже не рентабельны.

В итоге, исходя из нормальной для мекленбургского семипольного севооборота урожайности ржи, Тюнен в своем «изолированном государстве» очертил вокруг города кольцо, внутри которого хлебопашество приносило ренту, а за пределами которого нет.

Затем он учел, что возможны другие системы хозяйства, издержки в которых будут ниже, чем в семипольной, и которые благодаря этому смогут существовать на большем расстоянии от города, например, трехполье. Далее он таким же образом обсчитал рентабельность трехпольной системы, корректно учтя для нее не только меньшие издержки, но и меньшую урожайность. Хозяйства с трехпольем добавили еще один круг в «изолированном государстве». Тюнен учитывал и возможность специализации хозяйства на продуктах другого рода, кроме зерна. Все эти мыслимые системы хозяйства он также просчитывал, находя экономические пределы их сравнительной рентабельности, которые тут же превращались в географические зоны их локализации. Из всех этих расчетов и сложились его круги.

Кстати, сходным образом Тюнен учитывал и затраты на транспортные расходы внутри имения в зависимости от его площади и расположения полей. Эти его расчеты, помимо прочего, убедительно доказали современникам в Европе огромный вред чересполосицы и дальнотемелья.

Современный британский историк-экономист М. Блауг находит, что «Изолированное государство» «представляет собой одну из самых трудных книг в истории экономической мысли» по причине крайней «несвязности изложения». «Эта книга, – сетует он, – представляет собой собрание заметок, комментариев, арифметических примеров и математических формул; основная линия анализа... постоянно прерывается отступлениями о различных моделях севооборотов, о влиянии рациона на прирост населения, преимуществах разных методов разведения овец и т.д.»<sup>7</sup>. Всё так. Но в этой несвязности мучительно рождалась аграрно-экономическая наука – рациональное осмысление сельского хозяйства именно как хозяйства, т.е. предприятия, имеющего целью получение дохода. По замечанию немецкого

---

<sup>7</sup> Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 571, 584.

историка аграрной науки Р. Крцимовского, «тюненовская теория интенсивности является для сельского хозяйства тем же, чем была теория тяготения Ньютона для астрономии, атомная теория – для химии, или дарвинизм – для биологических наук»<sup>8</sup>. История российской сельскохозяйственной экономики скорее подтверждает это мнение.

Тюнэн показал жесткую объективную обусловленность систем сельского хозяйства рынком. Он решительно возражал против возможности произвольного насаждения какой-либо системы, которая могла казаться более рациональной и продуктивной. «Очень опасно заблуждение, заключающееся в том, что «нужны только соответствующие знания», чтобы ввести более высокую систему хозяйства в мало культурную местность», – писал он<sup>9</sup>. Примечательно, что в «изолированном государстве» не оказалось пояса хозяйств с наиболее прогрессивной в ту эпоху плодосменной системой, которая активно использовалась в Англии, а на континенте – в Бельгии (но, заметим, не в Германии). Дело в том, что по расчетам Тюнена, плодосмен в его «государстве» получался рентабельным или в отдельных маленьких по размеру хозяйствах внутри пояса семипольных хозяйств, или на отдельных ближних полях в более крупных хозяйствах. Для появления же целого плодосменного пояса в «государстве» должна быть либо более плодородная почва, либо более высокий уровень цен. Появление таких условий Тюнен не исключал в будущем.

В связи с этим стоит еще одна важнейшая идея Тюнена: вычисленные им круги в исторической перспективе суть не что иное, как стадии аграрной эволюции. «Изолированное государство в смысле обработки земли представляет собой одновременно картину одного и того же государства в разные столетия», – заключал он.<sup>10</sup> Следовательно, одни и те же экономические закономерности обуславливают как размещение систем сельского хозяйства в пространстве, так и их эволюцию во времени.

\* \* \*

Идеи Тюнена стали отправной точкой для ряда самостоятельных аграрно-экономических концепций русских ученых. Первой из них была теория систем сельского хозяйства Алексея Петровича Людоговского (1840–1882), первого профессора «сельскохозяйственной экономики» в Петровской академии и вообще в России. Эту теорию он сформулировал сначала в отдельных статьях (1871–72)<sup>11</sup>, а затем развил в своем знаменитом учебнике (1875).

Проблема систематизации и классификации организационных форм сельского хозяйства являлась одной из актуальных в нашей агрономической

---

<sup>8</sup> Крцимовски Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927. С. 34 – 35.

<sup>9</sup> Тюнен И.Г. Изолированное государство / Под ред. А.А. Рыбникова. М., 1926. С. 212.

<sup>10</sup> Там же. С. 213.

<sup>11</sup> Людоговский А.П. Закон возврата Либиха и рациональный метод определения размеров удобрения // Русское сельское хозяйство. 1871. № 5. С. 3 – 35; Он же. К учению о системах земледелия // Сельское хозяйство и лесоводство. 1872. Сентябрь – Ноябрь. С. 1 – 31, 33 – 55, 57 – 85 (статья сохраняла сквозную пагинацию внутри 3 номеров).

науке с 1860-х гг. А.В. Советов в 1867 г. защитил первую в России докторскую диссертацию по сельскому хозяйству как раз по «системам земледелия»<sup>12</sup>. И.А. Стебут, как бы в противовес петербургскому коллеге, настаивал на понятии «система хозяйства», впрочем, в печати он в это время еще не сформулировал свою позицию в окончательном виде<sup>13</sup>. А.П. Людоговский, вторгшись в эту дискуссионную тему, предпринял попытку поставить вопрос на экономический фундамент. Он, в соответствии с основной тюненовской идеей, предложил рассматривать системы как стадии экономической эволюции сельского хозяйства, обусловленные не спецификой производственных процессов в сельском хозяйстве, а соотношением цен на факторы производства.

Прежде всего, А.П. Людоговский попытался развести три понятия: система хозяйства, система (организация) полевого хозяйства и севооборот, особенно настаивая против отождествления или смешения системы хозяйства с севооборотом. Под «системой хозяйства» подразумевался способ пользования всей землей, а не только полевой; «система полевого хозяйства» относилась только к полевой земле; «севооборот» обозначал конкретное распределение пашни на клинья и чередование посевов определенных растений. Однако по ходу изложения он часто сбивался, отождествляя систему хозяйства с системой земледелия, или считая систему земледелия определителем системы хозяйства.

Единого критерия классификации систем сельского хозяйства у Людоговского не было, он предложил 4 взаимосвязанных параметра: 1) степень интенсивности; 2) способ обеспечения плодородия земли; 3) положение скотоводства в хозяйстве и 4) распределение земли между «кормовыми» и «продажными», т.е. товарными растениями. По данным критериям он выделял 8 известных в мире и в истории систем земледелия/хозяйства: 1) пастбищная, 2) переложная, 3) зерновая, 4) улучшенная зерновая, 5) плодосменная, 6) выгонная, 7) травяная, 8) вольная.

Ключевым для экономики хозяйства выступало понятие интенсивности. Интенсивность определялась Людоговским как количество затрат труда и капитала на единицу площади. Подробно рассмотрев различия систем по степени интенсивности, он выстроил 6 из них в единую линию исторической эволюции сельского хозяйства, в которой совершался последовательный переход от менее интенсивных систем к более интенсивным. («Выгонную» и «травяную» системы Людоговский находил лишь в отдельных областях Западной Европы и не включал в общую схему эволюции.) Таким образом, прогресс земледелия, несомненно, сопровождается интенсификацией. Для Людоговского было также очевидно, что прогресс сопровождается и ростом рент землевладельцев.

Здесь возникали вопросы. Первый: что побуждает хозяина к повышению интенсивности хозяйства, если классическая политэкономия и практический опыт свидетельствуют, что производительность последующих

<sup>12</sup> Советов А.В. О системах земледелия // Он же. Избранные сочинения. М., 1950. С. 241 – 420.

<sup>13</sup> См.: Стебут И.А. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 501 – 504.

затрат труда и капитала уменьшается? Причина уменьшения обусловлена объективно и заключается в ограниченности производительных сил земли. Точнее, она коренится – в этом пункте Людоговский брал на вооружение недавно появившуюся тогда (1870) идею немецкого химика А. Майера – в ограниченном количестве солнечного света, что эквивалентно и количеству тепла, падающего на единицу поверхности.

В связи с этим возникал и второй вопрос: если производительность труда и капитала при повышении интенсивности падают, почему растет рента? Ответ Людоговского на оба вопроса сводился к одному: сравнивать факторы производства надо не в натуральном выражении, а в стоимостном.

Выделялись классические 3 фактора производства: земля, капитал и труд, которые сочетаются в системе хозяйства для получения наивысшего чистого дохода. Им соответствуют 4 гипотетических лица – участников производства, которые требуют себе оплаты: землевладелец, капиталист, работник и управляющий хозяйством. «Для производства валового урожая, – рассуждал Людоговский, – необходимы следующие орудия: 1) земля, затрачиваемое пространство которой имеет ренту, 2) труд, имеющий цену, 3) капитал, требующий оплаты процентов, и 4) знание предпринимателя, которое тоже должно быть вознаграждено»<sup>14</sup>. Все эти факторы оплачиваются валовым доходом, т.е. урожаем, который тоже имеет цену. Для иллюстрации своих умозаключений он вводил формулу:

$$D = A + B + C + E$$

где: D – урожай или валовой доход; A – «плата за наем земли или рента»; B – плата за труд; C – «услуги капитала»; E – «интеллигенция предпринимателя»<sup>15</sup>. Слово «интеллигенция» здесь употребляется в значении совокупности интеллектуальных качеств человека; уже в следующей статье «интеллигенция предпринимателя» заменена на более понятую «плату предпринимателю» или предпринимательский доход.

«Задача предпринимателя, – писал Людоговский, – заключается в том, чтобы сочетать эти 3 фактора между собою и относительно величины D (которая есть их результат) так, чтобы получилась наибольшая величина E»<sup>16</sup>. Если собственник земли и предприниматель совпадают в одном лице, рента (A) и предпринимательский доход (E) сливаются, то соответственно:

$$E + A = D - (B + C)$$

При этом предприниматель должен понимать, что названные факторы могут замещать друг друга для производства одного и того же дохода.

Людоговский полагал, что должен существовать общий экономический закон, которым объективно, помимо произвола частных хозяев, поддерживается необходимый на данном этапе уровень интенсивности хозяйства и которым обуславливается переход на новый уровень интенсивности. Закон, который «управляет количественным сочетанием между факторами производства при добывании какого ни есть валового

---

<sup>14</sup> Людоговский А.П. Закон возврата Либиха... С. 9.

<sup>15</sup> Там же. С. 20.

<sup>16</sup> Людоговский А.П. К учению... С. 7.

дохода или урожая». Такой закон он действительно находил, назвав его «законом рентабельности»<sup>17</sup>.

Вот его суть. Все названные факторы имеют цену. Рост населения повышает спрос на продукты, вызывает рост цен на них, но цены факторов при этом растут неравномерно, т.е. соотношение высоты цен разных факторов с течением времени меняется. История демонстрирует противоположное движение их цен относительно друг друга: тогда как цена земли (рента) исторически растет, цены единиц труда и капитала снижаются. Поэтому происходит замещение факторов производства по их относительной ценности: для получения того же дохода при меньших издержках сокращается использование дорожающего фактора, использование дешевеющего – растет. При росте земельных цен выгоднее сокращать площадь, увеличивая затраты труда и капитала. Таким образом, рост рент ведет к интенсификации сельского хозяйства.

Людоговский сформулировал закономерность, как относительная высота факторов делает возможной/необходимой ту или иную степень интенсивности: высокая рента (А) делает *необходимой* более интенсивную систему хозяйства, а высокая цена труда (В) и капитала (С) делает *необходимой* более экстенсивную систему; и обратно – низкая рента (А) делает *возможной* более экстенсивную систему, а низкая цена В и С делает *возможной* более интенсивную систему<sup>18</sup>. То есть цена труда и капитала влияет на интенсивность противоположно ренте.

Теория систем хозяйства, изложенная в ранних статьях, легла затем в основу раздела «сельскохозяйственной экономии» в учебнике Людоговского.

Задачей своей «сельскохозяйственной экономии» он называл «изучение условий, которыми определяется то разнообразие форм сельского хозяйства, которое мы встречаем при сравнении их: 1) в различных местностях и странах и 2) в одной и той же стране, но в различные периоды ее истории». И здесь же: «Цель изучения сельскохозяйственной экономии заключается в сообщении хозяину понимания местных и временных условий, определяющих форму сельскохозяйственного производства, понимания, без которого невозможно правильное устройство имения»<sup>19</sup>. Таким образом, на основе найденных им закономерностей убывающей производительности капитала и труда, на основе своего «закона рентабельности» Людоговский стремился построить законы организации частного сельскохозяйственного предприятия.

Примечательно, что при этом он использовал маржиналистский дискурс. Основной задачей хозяйства ставилась не максимизация производства, а оптимизация затрат для получения максимально возможной чистой прибыли или ренты: «Выгоднейшая высота урожая совпадает с такой затратой труда и капитала, при которой последнеприбавленные количества последних равняются по ценности с производимую ими прибавкою к

---

<sup>17</sup> Людоговский А.П. Закон возврата Либиха... С. 28.

<sup>18</sup> Людоговский А.П. К учению... С. 25 – 26.

<sup>19</sup> Людоговский А.П. Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. С. 77.



урожаю»<sup>20</sup>. Подобный маржиналистский принцип рассуждений применялся Людоговским еще в первой из названных статей, но лишь к одному аспекту хозяйства – определению наиболее выгодной величины затрат удобрения. Затем он придал этому принципу расширенное применение при определении наиболее выгодной высоты интенсивности хозяйства. Теперь, в учебнике, он уже свободно оперировал выработанными формулировками<sup>21</sup>.

Для иллюстрации использовалась известная по прежним статьям формула предпринимательского дохода, которая здесь претерпела модификацию: к факторам, обозначаемым заглавными буквами, добавились обозначения их стоимостных величин, что было логично. Величина предпринимательского дохода (Е) предстала в следующем виде:

$$E = mD - (rA + nB + pC),$$

где D – урожай, A – «пространство земли», B – количество работы, C – затраченный капитал; m – цена продуктов, r – уровень ренты, n – заработная плата, p – «высота роста» (процент). У предпринимательского дохода никаких количественных определителей не было, т.к. предприниматель «затрачивает только умственные силы на производство»<sup>22</sup>.

С этой точки зрения Людоговский рассмотрел каждую из выделенных им в истории и актуальной практике систем сельского хозяйства, объясняя переход от одной к другой изменением стоимостных отношений факторов производства. Формула демонстрировала, что изменения систем хозяйства обуславливаются сочетанием факторов A, B, C и D в зависимости от изменений величин m, r, n, p. Наложение теории на историю дало связную, логичную картину, теория «работала».

Рассмотрев абстрактные модели, Людоговский обращал внимание на многообразие и многочисленность факторов, которыми определяется существование той или иной системы в реальной действительности. Так, изложив схему территориального размещения систем хозяйства по Тюнену, он выделял целых 8 групп условий, отклоняющих или видоизменяющих действие тюненовского закона. В частности, указывал на «юридические условия» и в качестве таковых приводил в пример «общинное владение землей», при котором, по его убеждению, «невозможно травосеяние и выгонная система вследствие общего права выгона на поля и чересполосицы; возможна только зерновая трехпольная система, хотя бы у соседних помещиков велась плодосменная система, хотя бы последняя, по экономическим отношениям, была безусловно выгоднее»<sup>23</sup>. Кроме того он отмечал, что экономические законы могут нарушаться личными качествами самого хозяина, его «недеятельностью» или «малым знанием».

---

<sup>20</sup> Там же. С. 82 – 83.

<sup>21</sup> О маржинализме Людоговского см. также: Блесков Д.А. Теоретико-методологическое значение и роль концепции А.П. Людоговского в истории сельскохозяйственной экономики // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Сборник научных трудов. Вып. 2. Ч. 2. М. – Волгоград, 1997. С. 181–204.

<sup>22</sup> Людоговский А.П. Основы сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственного счетоводства. С. 43.

<sup>23</sup> Там же. С. 171.

Придирчивый анонимный рецензент министерского журнала, оценивая только что вышедшую книгу Людоговского, отмечал, что «метод исследования, лежащий в основе сельскохозяйственной экономики (всего 2 отдела) принадлежит, однакож, всецело Тюнену». Но все же далее он вынужден был согласиться, что «хотя основные положения были известны, но дальнейшее, последовательное и стройное развитие их принадлежит всецело автору, и выработанный им план и самое изложение предмета не оставляют желать ничего лучше»<sup>24</sup>.

К сожалению, А.П. Людоговский, перенеся в 1875 г. инсульт, потерял возможность заниматься наукой и рано ушел из жизни<sup>25</sup>. Его работы не переиздавались. Маржиналистская методология, впервые примененная и, по-видимому, самостоятельно выработанная им для «сельскохозяйственной экономики», после его ухода не получила развития, и надолго – до А.В. Чаянова – исчезла из работ русских экономистов-аграрников. Стоит вспомнить, что первые маржиналисты – Л. Вальрас (р. 1834), У. Джевонс (р. 1835), К. Менгер (р. 1840), А. Маршалл (р. 1842) – принадлежали к тому же поколению, что и Людоговский (р. 1840). В современной литературе появление маржинализма в России принято связывать с работами М.И. Туган-Барановского 1890-х гг.

\* \* \*

Идеи Тюнена оказали мощное влияние на концепцию «экономики земледелия» А.И. Скворцова (1848–1914). «Как экономист дедуктивного склада, Скворцов в русской литературе, на мой взгляд, если не единственный сильный, то один из немногих сильных и оригинальных умов. /.../ Скворцов был замечательным абстрактным экономистом того типа, который всего ярче в литературе и экономике представлен фигурами Тюнена и Родбертуса», – писал П.Б. Струве<sup>26</sup>. А.В. Чаянов прямо называл его «крупнейшим из сельскохозяйственных экономистов России»<sup>27</sup>. «Манчестерствующим марксистом» называл его А.А. Кауфман<sup>28</sup>. «Пошлейший буржуй и ничего более», – добавлял со своей стороны В.И. Ленин<sup>29</sup>. К сожалению, имя Александра Ивановича Скворцова сегодня остается мало известным нашей историко-экономической литературе<sup>30</sup>.

---

<sup>24</sup> И. Библиографическое обозрение («Основы сельскохозяйственной экономики и счетоводства») // Сельское хозяйство и лесоводство. 1875. Июль. С. 13, 14.

<sup>25</sup> Подробнее о биографии Людоговского я писал ранее: Кузнецов И.А. Основоположники "сельскохозяйственной экономики" в России (середина – вторая половина XIX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 203–233.

<sup>26</sup> Струве П. Памяти А.И. Скворцова // Русская мысль. 1914. № 2. С. 163 – 166.

<sup>27</sup> Чаянов А.В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века // Крцимовский Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. (Приплет). М., 1927. С. 231.

<sup>28</sup> Кауфман А.А. Рец. на кн. Скворцова «Аграрный вопрос и Государственная Дума» // Речь. 1907. № 102 (3.05).

<sup>29</sup> Ленин В.И. Полное собрание соч. 5-е изд. Т. 1. С. 201.

<sup>30</sup> Забвение историографией имени Скворцова в одной из новейших энциклопедий отразилось буквально см.: Козлов С.А. Скворцов Алексей Иванович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 719 – 720 (его звали Александр).

Свою аграрную теорию он изложил в диссертации «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство» (1890), а затем в учебнике «Основы экономики земледелия» (1900–03)<sup>31</sup>. С изложения и критического анализа учения Тюнена начинались обе его книги, но и далее, по мере развития концепции, Скворцов постоянно возвращался к логике модели изолированного государства (в его переводе – «уединенное государство»). Основным предметом его исследования были те же факторы, определяющие облик сельского хозяйства, что и у Тюнена – рынок, расстояния, транспорт – и их влияние на высоту ренты. Проблема, в понимании Скворцова, заключалась в том, что последняя треть XIX в. создала новые условия, которые не учитывались старыми теориями. Прежде всего, развитие парового транспорта привело к радикальному сокращению транспортных издержек, что изменило все рыночные условия хозяйства. Реальностью стал мировой сельскохозяйственный кризис, приток на европейские рынки дешевого хлеба из Америки и колоний, который вызвал падение цен на сельхозпродукцию и падение уровня рент землевладельцев. Скворцов попытался сформулировать собственную экономическую теорию сельского хозяйства и аграрного развития. Заявленная в первой книге проблема – влияние парового транспорта – задавала лишь ракурс исследования. Главной прикладной задачей работы, по-видимому, было осмысление причин мирового аграрного кризиса и прогнозирование вероятных перспектив посткризисного развития.

Книги Скворцова представляют собой объемистые трактаты, чтение которых нельзя назвать легким. Полагаю даже, что это самые трудные книги в русской аграрно-экономической мысли. Круг затрагиваемых вопросов и их побочных ответвлений, как и у Тюнена, чрезвычайно широк. Помимо Тюнена, Скворцов подвергал ревизии идеи и других крупнейших теоретиков первой половины XIX в., в особенности, Д. Рикардо. Значительное место отводилось дотошному разбору точек зрения предшествующих авторов по каждому из рассматриваемых вопросов. К тому же наш автор явно не блистал литературным дарованием. Вместе с тем, за этой сложностью видна живая работа авторской мысли, с ее озарениями и тупиками, без доктринальной заданности и заранее сформулированного итога. Попытаюсь кратко изложить его основные тезисы.

Исходным моментом его построений был тот факт, что прогресс транспортных средств и путей сообщения с момента применения паровых машин неуклонно вел ко все большему увеличению объемов перевозок и к их удешевлению, и в перспективе виделось дальнейшее развитие этой тенденции. Скворцов брал уравнения Тюнена и подставлял в них иные значения транспортных расходов, предполагая удешевление транспортировки, как если бы в «изолированном государстве» проложили

---

<sup>31</sup> Скворцов А.И. Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Исследование в области экономики земледелия. Варшава, 1890; Он же. Основы экономики земледелия. Ч. 1. СПб., 1900; Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1902; Ч. 2. Вып. 2. СПб., 1903.

железные дороги<sup>32</sup>. Результаты получались примечательными: «Оказывается, что когда, по вычислению Тюнена, продукт должен возделываться далее от города, результат при понижении транспорта не меняется; наоборот, в случае производства продукта вблизи города, уменьшение стоимости транспорта меняет результат в обратную сторону»<sup>33</sup>. То есть использование парового транспорта должно было привести к появлению вблизи «города» невозделанной пустыни, при этом границы сельскохозяйственного ареала существенно раздвигались, а системы хозяйства перемешивались. Таким образом, паровой транспорт уничтожил тюненовские круги, эта модель утрачивала свое объясняющее значение. Это означало, что развитие транспорта и удешевление перевозок создавало возможности для экспансии аграрного предпринимательства в регионы, прежде ему недоступные. Ведь границы тюненовского «изолированного государства» – это границы действия рыночных законов в сельскохозяйственном производстве. Паровой транспорт их резко раздвинул.

Как это должно отразиться на системах хозяйства? Системы различаются по интенсивности. Интенсивность хозяйства, по Тюнену, определяется уровнем цен на продукцию, который (для хозяйства) зависит от расстояния до рынка. Скворцов резюмировал два основных положения концепции Тюнена следующим образом:

- 1) повышение интенсивности хозяйства неизбежно ведет к удорожанию продукции;
- 2) для удешевления продукции хозяйство должно делаться более экстенсивным по мере удаления от рынка.

В явном виде эти постулаты сам Тюнен нигде не формулировал, но они действительно логически вытекают из его теории, или, лучше сказать, лежат в ее основе, это Скворцов понимал верно. Оба эти положения он отвергал, считая их ошибочными в принципе, и, во всяком случае, потерявшими силу в новых условиях. Утверждение, что «чем интенсивнее ведется хозяйство, тем его продукция дороже», он называл «ложным законом интенсивности»<sup>34</sup>. Против него выдвигались два основных аргумента.

Во-первых, Скворцов уточнял понятия: что есть интенсивность? Он систематизировал все известные ему в европейской и русской литературе определения интенсивности и останавливался на определении Людоговского, как наиболее, с его точки зрения, корректном: интенсивность определялась как сумма затрат труда и капитала (иначе говоря, затрат капиталов всех видов, включая заработную плату) на единицу площади.

Далее аргументация строилась на различении основного и оборотного капиталов. Если оборотный капитал единовременно целиком переходит в стоимость продукта, то основной – лишь частично. Следовательно, принципиальное значение имеет то, за счет затрат какого именно вида капитала будет интенсифицироваться хозяйство. В трудах авторов первой

---

<sup>32</sup> Предварительно А.И. Скворцов анализировал формулы Тюнена и находил в них ошибки.

<sup>33</sup> Скворцов А.И. Влияние... С. 69.

<sup>34</sup> Там же. С. V.

половины XIX в. повышение интенсивности мыслилось лишь как увеличение оборотного капитала, т.е. затрат труда или навоза. Если увеличиваются затраты оборотного капитала, то, действительно, вероятно ожидать повышения стоимости производства продукта. Но при увеличении затрат основного капитала, например, приобретении усовершенствованных орудий, машин и т.п., возникает возможность не только сохранения стоимости продукта на том же уровне, но и ее уменьшения. Использование более производительной техники способно настолько увеличить массу продукции с единицы площади, что стоимость единицы продукции будет понижаться – вот логика Скворцова. В доказательство этого положения он не ссылаясь ни на статистические данные, ни на опыт практического хозяйствования; его построения носили строго дедуктивный характер.

Скворцов предстает несомненным поборником технического прогресса. Говоря о «технике хозяйства», он обычно употреблял это понятие в очень широком смысле, не только как орудия труда и машины, но как совокупность «методов эксплуатации почвы» и вообще всего того, что сегодня называют технологией. «Высота техники», в его понимании, – это «тот уровень знаний, который мы имеем в данный момент относительно эксплуатируемых нами сил природы и того искусства, которого мы достигли в эксплуатации этих сил и наших знаний о них для своих целей»<sup>35</sup>. Таким образом, именно прогресс в сфере техники/технологии открывает путь к повышению интенсивности сельского хозяйства без повышения стоимости продуктов.

Второй аргумент касался методики учета затрат. Так, в примерах Тюнена речь шла о последовательных затратах равных порций навозного удобрения. Он считал, что производимая каждой новой затратой прибавка уменьшается, удвоение удобрения не удваивает урожай. Скворцов поправлял: применительно к хозяйству речь должна идти не об удвоении затрат, а об их увеличении лишь на ту часть, которую удобрение составляет в капитале хозяйства. Удвоение удобрения не означает удвоения всех затрат, значит и прибавка не должна быть двойной: «Увеличение удобрения например в 1,5 раза еще не обозначает ведь увеличения затраты капитала на единицу пространства в 1,5 раза, т.к. кроме затрат на удобрение существуют еще затраты на орудия и вообще на обработку, на постройки и т.п. затраты, величина которых в данном случае не изменяется. Если, следовательно, от увеличения удобрения в 1,5 раза сумма расхода на единицу площади увеличилась, например, на 20 %, то урожай должен повыситься только на 20 %, чтобы стоимость производства осталась та же, или иначе, чтобы прибавочный капитал при той же продажной цене принес тот же доход, как и предыдущий»<sup>36</sup>.

Таким образом, корень вопроса Скворцов видел не в количестве прилагаемого капитала, а в том, каким образом и в какой форме прилагается капитал. Поэтому по ходу изложения своих аргументов понятие

---

<sup>35</sup> Там же. С. 133.

<sup>36</sup> Там же. С. 128.

интенсивности, выражающее именно количественную роль капитала в хозяйстве, перестало рассматриваться им в качестве ключевого. На передний план им выдвигалось понятие рациональности хозяйства, обозначающее качество организации предприятия. Вопрос об уровне ренты, в конечном счете, связывался с рациональностью, а не с величиной затрат.

Важнейшим элементом понятия рациональности Скворцов видел адекватность хозяйства данным географическим и природно-климатическим условиям. Будучи агрономом, он, в отличие от Людоговского, придавал большое значение естественным особенностям сельского хозяйства, отличающим его от прочих сфер экономики, и пытался учесть этот аспект в экономической теории. Он считал, что природно-климатические условия склоняют хозяйство к специализации на производстве определенного рода продуктов. И производство, соответствующее естественной специализации, априори требует меньших издержек.

В итоге Скворцов не давал однозначного определения «рационального хозяйства». Как следует из контекста всей его работы, рациональное хозяйство, прежде всего, должно быть максимально адекватно условиям рынка, т.е. давать максимально возможную для данных условий ренту. Однако в понятие «условий» включались не только рынок, но и природно-климатические, и уровень техники, обусловленный, в свою очередь, уровнем научных знаний. Поэтому скворцовское понятие «экономической рациональности» дополнялось и несколько перебивалось «технической рациональностью». Под технически рациональным он понимал такое хозяйство, технология и организация которого максимально адекватны данным природным условиям и тому роду продуктов, на производство которых оно специализировано. При этом «в случае коллизии» между технической рациональностью и экономической, оговаривался Скворцов, «придется всегда отдать предпочтение экономической рациональности»<sup>37</sup>.

На неясность понятия «рациональность» обращали внимание оппоненты Скворцова. Однако мне изъясн скворцовского понимания рационального хозяйства видится не в нечеткости дефиниций, а в незаконченности самой мысли. Скворцов оперировал этим понятием как вполне объективной категорией, между тем, рациональность – понятие субъектное, оно предполагает наличие субъекта, носителя рации. И в данном случае таким субъектом может быть только сельский хозяин, организатор производства. Поэтому вывод, который напрашивается из всей логики Скворцова, но которого автор не сделал, мне представляется таким: развитие рынка, технологии и путей сообщения расширяют свободу выбора для хозяйствующего субъекта, снимают или, во всяком случае, смягчают ограничения на выбор форм хозяйствования и типов организации хозяйства.

В конечном счете, Скворцов приходил к убеждению, что развитие транспорта ведет к усилению естественно-географической специализации сельского хозяйства. Тем самым, по мере развития рынка, «менового

---

<sup>37</sup> Там же. С. 82.

хозяйства» сельское хозяйство будет вынуждено становиться все более рациональным. Именно рыночная ориентация виделась Скворцову основным условием рационализации. Натуральное хозяйство для него априори не может быть рациональным, поскольку базируется на принципе производства необходимых культур и продуктов без учета природных условий и законов произрастания растений. Он был твердо убежден, что благодаря прогрессу путей сообщения мир стремится к экономическому единству, и когда-нибудь «уединенное государство» включит в себя весь земной шар; при этом оно будет очень мало похожим на схему Тюнена<sup>38</sup>.

В частности, там не останется места для трехпольной системы, которая виделась примером крайней нерациональности. Скворцов суммировал все агрономические аргументы против трехполья, которые, по существу, сводятся к тому, что эта система диктует однообразие культур и истощает почву. Тюнен, по его убеждению, был в корне не прав, когда пытался обосновать закономерность трехполья условиями определенного уровня интенсивности хозяйства. В современном мире переход к трехполью даже от более примитивных систем ни в коем случае не может считаться прогрессом. Само существование трехполья не имеет экономического объяснения, и его причины надо искать в иной плоскости: в формах землевладения и традициях землепользования<sup>39</sup>. Напомню, что в России эта система в то время была господствующей.

Скворцов, признавая строго объективный характер найденных им закономерностей, брался прогнозировать дальнейшее направление глобальных сдвигов, и даже некоторые конкретные черты будущего облика мирового сельского хозяйства. Не ограничиваясь указанием общего направления эволюции, ученый пытался предсказать «расположение производственных районов под влиянием парового транспорта», т.е. расположение отраслей и систем сельского хозяйства в тех или иных регионах земного шара. Здесь он окончательно расставался с принципами Тюнена: расстояние до рынка уже не играло главной роли. Основными факторами были условия географии, почвы и климата. Начиная с характеристики природных особенностей каждого выделенного им региона, он далее подбирал наиболее рациональные для него системы сельскохозяйственного производства. Таким образом, тот фактор, который совершенно игнорировался тюненовской моделью, точнее от которого Тюнен сознательно абстрагировался – природно-климатические различия – становился в концепции Скворцова главным.

Конечно, Скворцов был не первым, кто указал на тенденцию географической специализации сельского хозяйства под влиянием прогресса путей сообщения. Он активно цитирует своих предшественников – А.И. Чупрова и ряд иностранных авторов. Продолжая их линию, Скворцов ставит вопрос: насколько односторонним может стать хозяйство при развитии этого процесса? И дает собственный ответ: высокая степень специализации,

---

<sup>38</sup> Там же. С. 591, 699 и др.

<sup>39</sup> Там же. С. 85.

доходящая до монокультуры, если и возникнет, то в качестве временного явления. В конечном счете, она вступит в противоречие с «технической рациональностью», требующей разнообразия культур для поддержания высокого плодородия почвы, и при дальнейшем развитии рынка исчезнет.

Думается, обширные прогностические выкладки – не самые сильные страницы Скворцова. Строя прогнозы, он попадал в обычную для такого рода занятий ловушку: теоретически постулируя прогресс техники, фактически он мог оперировать лишь теми представлениями о технологии сельского хозяйства, которые предлагала агрономическая наука его собственного времени.

Итак, попытаемся резюмировать концепцию «экономики земледелия» А.И. Скворцова. Развитие путей сообщения диктует необходимость перехода к рыночному хозяйству. Включенность в меновые отношения вызывает (усиливает) естественно-географическую специализацию сельскохозяйственного производства. Прогресс знания и техники/технологии отодвигает предел максимально допустимой интенсивности, и тем самым расширяет возможности в плане организации хозяйства, выбора систем хозяйства. Сельское хозяйство получает возможность делаться более рациональным, т.е. более соответствующим природно-климатическим условиям места. Эта техническая рациональность, если не всегда, то в большинстве случаев будет совпадать с экономической рациональностью, то есть хозяйства, форма организации которых максимально адекватна естественным условиям, будут одновременно и наиболее рентабельными из всех возможных в данных условиях. На этом пути следовало искать и ответ на вызовы мирового аграрного кризиса: можно и в условиях кризиса вести рентабельное хозяйство и даже повышать уровень его интенсивности за счет рационализации; ибо хотя и есть физический предел производительности почвы, но нет никакого закона убывающего плодородия почвы/убывающей производительности затрат. Скворцовский оптимизм связан с верой в рацию хозяйствующего субъекта и с расчетом на силу естественного хода вещей, с уверенностью в способности рыночной экономики к самоорганизации. Рынок в его представлении является не только главной движущей силой аграрной эволюции, но и, в конечном счете, главным фактором гармонизации аграрных отношений.

Эта концепция была положена ученым в основу, во-первых, разделов учебника по организации сельскохозяйственного предприятия, во-вторых, собственных проектов по решению «аграрного вопроса» в России.

Так, второй том учебника был посвящен системам хозяйства и системам полеводства<sup>40</sup>. Скворцов не принял классификацию систем по Людоговскому, а усвоил идею Стебута, согласно которой система хозяйства определялась «по роду главного рыночного продукта» и «указывало ту роль, которую данное хозяйство исполняет по отношению к обществу, какой продукт оно доставляет для общественного снабжения». Систем хозяйства

---

<sup>40</sup> Скворцов А.И. Основы... Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1902.



выделялось всего три: 1) зерновая, 2) скотоводственная и 3) техническая (или промышленная, технически-заводская, включавшая и производство сырья, и готовых продуктов переработки). Эта стебутовская классификация логично легла в дискурс Скворцова, ведь он придавал главенствующее значение именно рынку и отрицал наличие прямой связи между уровнем интенсивности хозяйства и его специализацией. Далее все изложение предмета было подчинено задаче показать учащемуся, как производить выбор наиболее рациональных форм и приемов хозяйствования в соответствии с выбранной специализацией хозяйства и естественными условиями места.

С тех же позиций Скворцов дважды выступал по аграрному вопросу в России, как экономический публицист либерального направления. В первом случае поводом послужил голод 1891–92 гг.<sup>41</sup>, во втором – события 1905–06 гг.<sup>42</sup> В первой из этих брошюр, «Экономические причины голодовок в России» (1894), Скворцов назвал крестьянскую общину главной причиной голодовок и предвосхитил все основные положения столыпинской аграрной реформы. Во второй (1906) дал свой очерк аграрных проблем России, дифференцировав их по регионам и показав наличие самых разных локальных «аграрных вопросов», скрывающихся за этим названием. В качестве общей позитивной программы он выдвигал здесь призыв вернуться к классическому либерализму: «Нам кажется, что представители всех русских партий слишком отрицательно и потому несправедливо относятся к правилу: *laissez faire, laissez passer*. Как известно, это правило требует возможно малого вмешательства государственной и общественной власти в людские отношения, возникающие на почве экономических интересов. Современные научные теории отрицают это правило и, конечно, не без основания. Но нужно иметь в виду, что это положение, как и всякое другое, которым руководились люди в известный исторический момент, несомненно, имеет жизненное основание. /.../ Переживаемый Россией исторический момент именно таков, что требует, прежде всего, добывания различных свобод, а не тех или иных экономических или социальных реформ. Эти реформы, бесспорно, также необходимы, но они могут быть осуществлены только после того, как будет добыта свобода, без которой немислимо даже определить, хотя бы только с грубым приближением, ни истинных желаний народа, ни тех мер, проведение которых должно послужить для подъема благосостояния населения. Исходя из этого соображения, мы признаем все те меры опеки мужика, которые проектируются под громким именем огосударствления или социализации земли и т.п., или мотивируются желанием охранить мужика от его собственной неосторожности и т.п., – крайне вредными, и думаем, что они должны быть категорически отвергнуты. Вместе с тем должны быть сняты и те путы, которые налагает общинный строй и всякие полицейские вмешательства в жизнь народа... Мы

---

<sup>41</sup> Скворцов А.И. Экономические этюды. Вып 1. Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению. СПб., 1894.

<sup>42</sup> Скворцов А.И. Аграрный вопрос и Государственная Дума. СПб., 1906.

глубоко убеждены, что снятие всех этих стеснений в гораздо большей мере поднимет благосостояние всего русского народа, – в том числе и крестьянства, чем грошовая подачка в виде прирезки земли крестьянам по кадетской норме»<sup>43</sup>.

Либерализм Скворцова был причиной систематического неприятия его работ, вызывая всякий раз волну погромной критики со стороны социалистически настроенного большинства современников<sup>44</sup>. Скворцов, как верно отметил П.Б. Струве, был «одинокой фигурой в поколении народников»<sup>45</sup>. В своих публицистических выступлениях он, вразрез с господствующим умонастроением, резко полемизировал с народническими авторитетами по аграрному вопросу, критиковал общину, отдавая предпочтение хуторам, а местами и вовсе высказывал сомнения в возможности сохранения крестьянского хозяйства как семейно-трудового; кооперацию – девиз эпохи – как будто не замечал. При этом оперировал исключительно экономическими и агрономическими аргументами, которые излагал, в своем стиле, дотошно, суховато, подчас не слишком складным языком.

А.И. Скворцов более 30 лет занимал кафедру сельскохозяйственной экономии в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства (1882–1913). Его преемником стал представитель оппозирующего лагеря А.Н. Челинцев. В том же 1913 г. в Московском сельхозинституте (Петровской академии) начал преподавать А.В. Чаянов. Начиналась эпоха «организационно-производственной школы».

\* \* \*

В отличие от «старой» сельскохозяйственной экономии, ориентированной на потребности крупного, товарного помещичьего хозяйства, новое направление ставило в центр внимания крестьянское хозяйство. Оно появилось, когда мировой аграрный кризис был уже преодолен, а «аграрный вопрос» в России в ходе столыпинской реформы постепенно трансформировался в вопрос о путях модернизации крестьянской экономики. Однако новое направление изменило не только объект, но и саму парадигму науки. Тюненовская модель заняла в ней весьма своеобразное место.

Исследователи творчества Александра Николаевича Челинцева (1874–1962) считают идею о сельскохозяйственных районах как стадиях аграрной эволюции центральным положением в его системе взглядов<sup>46</sup>. Челинцев вкратце изложил ее уже в первой своей статье, с которой он выступил как сельскохозяйственный экономист в 1904 г.<sup>47</sup>, но в завершенном виде – в

---

<sup>43</sup> Там же. С. 141 – 142.

<sup>44</sup> См.: Каблуков Н. Новое изобретение: Участки прямоугольной формы как содействие экономической эволюции // Русские Ведомости. 1894. № 7. С. 2 – 3; /Без подписи/ Рец. на кн. «Экономические этюды» // Русское богатство. 1894. № 3. С. 52 – 53; Воронцов В.П. Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М., 2008. С. 570 – 597 и др.

<sup>45</sup> Струве П. Ук. соч. С. 166.

<sup>46</sup> Крамар А.А. А.Н. Челинцев – самобытный русский экономист. М., 2007. С. 24.

<sup>47</sup> Челинцев А.Н. К очередным задачам сельскохозяйственной экономии // Современные вопросы русского сельского хозяйства. К 50-летию юбилею И.А. Стебута. СПб., 1904. С. 473 – 494.

отдельной книжке в 1910 г.<sup>48</sup> Между тем, очевидно, что эта идея «принадлежит, однакож, всецело Тюнену».

О связи этой идеи с Тюненом Челинцев никогда не упоминал, вероятно, как о само собой разумеющемся факте. Ему было гораздо важнее оттенить принципиальное отличие своей концепции от тюненовской. Если Тюнен определяющим условием аграрной эволюции и организации сельского хозяйства видел рынок, то наш экономист выступал против «необычайно преувеличенной» («по общепринятому воззрению») роли рынка<sup>49</sup>. Рынок, в его представлении, не имел самостоятельного значения, виделся лишь механизмом, опосредующим связь сельского хозяйства с индустрией, деревни с городом. Его роль он сводил к «сбыту» сельхозпродукции.

Челинцев выступал также против признания особой роли природно-климатического фактора. Географическая специализация сельского хозяйства, по его мнению, имеет «ограниченное и условное значение», т.к. сельскохозяйственные продукты есть и всегда будут «недостаточно транспортабельны». Единый рынок в духе Скворцова, следовательно, невозможен. Целью же развития сельского хозяйства Челинцев, как и большинство современников, считал «покорение человеком природы», а не приспособление к ней (к чему призывала «экономика земледелия» Скворцова)<sup>50</sup>.

Что же в таком случае является движущей силой аграрного развития? Плотность населения и его прирост, отвечал Челинцев: «Универсальным двигателем сельского хозяйства в направлении повышения производительности его является само неудержимо размножающееся население и дифференциация занятий последнего. Растущее население требует средств к существованию и приложения труда для добывания этих средств. Растет население – усиливается и требование хлеба-работы»<sup>51</sup>. Чем выше плотность населения, тем интенсивнее должно становиться сельское хозяйство. Интенсивность же, в концепции Челинцева, измеряется трудоемкостью. Под интенсификацией он понимал прежде всего увеличение затрат труда в хозяйстве, но не капитала, т.е. трудоинтенсификацию.

Возможно, такое понимание аграрной эволюции было обусловлено тем, что его теория обращалась к крестьянскому хозяйству, и в ее основе лежало представление о крестьянском хозяйстве как хозяйстве трудовом, в противоположность капиталистическому? В таком случае, Челинцеву следовало ограничить свою теорию только крестьянским сектором сельского хозяйства. Таким ли было его понимание?

Пытаясь ответить на этот вопрос, мы сталкиваемся с противоречиями. В ряде мест у Челинцева встречаются формулировки, подтверждающие

---

<sup>48</sup> Челинцев А.Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии. Ч. 3. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910.

<sup>49</sup> Там же. С. 8 и др.

<sup>50</sup> Там же. С. 3, 9 и др.

<sup>51</sup> Там же. С. 7.

положительный ответ, указывающие, что его теория относится лишь к натуральному, потребительскому хозяйству. Например: *«Постольку, поскольку сельское хозяйство /здесь и далее курсив мой – И.К./ служит нуждам местного населения и имеет потребительский характер, повышение производительности и, следовательно, трудоемкости земли идет под давлением местного прироста населения. Другими словами, интенсивирование сельского хозяйства здесь служит усилению емкости территории... Это интенсивирующее действие прироста населения на сельское хозяйство при господстве натурального строя обычно игнорируется экономистами. Тщетно мы старались бы найти решительное признание этого взгляда в таких произведениях, которые посвящены эволюции сельского хозяйства в местностях с сильно сохранившимся натуральным характером хозяйств»*<sup>52</sup>. То есть автор ограничивает действие своей теории укладом натуральных, потребительских хозяйств, и, следовательно, как можно логически предположить, не распространяет ее на иные уклады и хозяйства иных типов.

Однако буквально в соседних фразах Челинцев утверждает абсолютный приоритет демографического фактора, снимая все условия и ограничения. Называет его *«универсальным двигателем сельского хозяйства»*. Ставит в центр *«стихии хозяйственного развития, всегда и везде перестраивающей сельскохозяйственное производство и рыночные отношения для него»*<sup>53</sup>. Подчеркивает вторичность фактора рынка в аграрной эволюции, или даже полное его отсутствие, например, в переориентации стран Европы с экспорта на импорт хлебов по мере их индустриализации в XIX в.: *«Ясно, что здесь не внешний хлебный рынок определял подъем и перестройку сельских хозяйств каждой страны, но наоборот, переорганизация местного сельского хозяйства, делавшегося более производительным, обуславливала собой перемену отношения к внешнему рынку. И неизбежное повышение трудоемкости территории страны, выражавшееся в смене системы хозяйства, приводило в заключение к замене вывоза ввозом»*<sup>54</sup>.

Таким образом, рынок, как фактор аграрной эволюции, всегда вторичен, ибо большинство земледельческого населения сосредоточено в трудовых хозяйствах, строй которых определяется не рынком – вот тезис Челинцева. И аргументация: *«Выделение неземледельческого населения, рост и расширение рынка, роды спрашиваемых массой сельскохозяйственных продуктов – все это следует за приростом населения. Единоличный расчет сельскохозяйственных предприятий подчиняется приросту потребностей и числа трудовых хозяйств. Организованное – хотя бы вполне правильно – отдельное предпринимательское хозяйство таким образом вынуждено перестраиваться с изменением густоты местного населения, нуждающегося в все большем количестве хлеба-работы. В этом смысле условия, создаваемые*

---

<sup>52</sup> Там же. С. 10.

<sup>53</sup> Там же С. 7.

<sup>54</sup> Там же. С. 10.

нарастанием массы трудовых хозяйств, делаются необходимыми условиями рентабельности интенсивирования производства и в более крупных предприятиях. Наличную систему хозяйства надо всякий раз считать выражением стадии развития и жизни массы главным образом трудовых хозяйств, т.к. последние обнимают собой большинство земледельческого населения и несут в себе главный прирост местного населения, которым и вызывается переустройство сельского хозяйства»<sup>55</sup>. Если взять мысль Челинцева в целом, становится достаточно ясно, что он считал «демографический закон аграрной эволюции» присущим сельскому хозяйству как таковому, вне зависимости от развития рынка, индустриализации, наличия предпринимательских сельских хозяйств и др. Напротив, все эти обстоятельства, включая рынок, в его теории, сами определяются ходом аграрной эволюции. Такая концепция предполагает буквально «самодовлеющий» характер аграрной эволюции: «Сначала нужно установить самостоятельную жизнь сельскохозяйственного производства, самодовлеющее развитие его. Сельское хозяйство и его формы должны быть объяснены сами из себя с динамической точки зрения»<sup>56</sup>. Мысль выражена вполне ясно.

На той же почве стояли и другие приверженцы организационно-производственной школы. Так, Б.Д. Бруцкус, выступая от имени этого направления в 1917 г. заявлял: «Для нас сельское хозяйство формируется прежде всего самим сельским населением. Первичным рынком является его собственное домашнее хозяйство и первичным орудием производства является его собственный труд. /.../ Основная абберрация Тюнена, как и многих других западноевропейских экономистов, что будто бы экономия города определяет экономию деревни, между тем как в действительности правильно обратное положение: деревня из недр своих рождает город и определяет его экономику»<sup>57</sup>.

Исходя из этой теории, Челинцев разрабатывал системы натуральных показателей для определения интенсивности хозяйства разных регионов России. Системы показателей в его работах 1910 г. и более поздних различались, в них фигурировали: процент молодняка крупного рогатого скота, численность разного скота на душу населения, доли корнеклубнеплодов и кормовых трав в посевах и т.д. и т.п. Но ни цены, ни другие рыночные параметры совершенно не учитывались.

Идея Тюнена о системах сельского хозяйства как стадиях аграрной эволюции и одновременно сельскохозяйственных районах, обусловленных единым фактором – рынком, претерпела в «организационно-производственном направлении» существенную трансформацию. Заменив фактор рынка демографическим фактором, Челинцев выступил как «анти-Тюнен».

\* \* \*

---

<sup>55</sup> Там же. С. 12.

<sup>56</sup> Там же. С. 13.

<sup>57</sup> Бруцкус Б.Д. Основной закон сельского хозяйства // Агрономический журнал. 1917. № 3 – 4. С. 54 – 55.

Работы А.Н. Челинцева носили преимущественно эмпирический характер. Теоретическую глубину организационно-производственной школе придавали труды Александра Васильевича Чаянова (1888–1937). Заглавие одной из ранних его работ – статьи «Опыты изучения изолированного государства» – содержит прямую отсылку к Тюнену. Чаянов написал ее основу в 1915 г. для «Агрономического журнала», но в полном виде опубликовал в сборнике своих статей в 1923 г.<sup>58</sup> Очевидно, заложенные в ней идеи не случайны для автора, если он возвращался к ним вновь спустя годы.

В статье, взяв тюненовский образ «изолированного государства» в качестве отправной точки, Чаянов построил абстрактную модель демографической эволюции сельского хозяйства и, в связи с ней, народнохозяйственной эволюции в целом. По сути, он поставил мысленный эксперимент, развив до логического конца теорию, лежавшую в основе работ Челинцева.

Вводные данные были следующими. В отличие от Тюнена Чаянов жестко ограничил размер своего «государства» (условными 10 млн. десятин), для чего поместил его на «остров». Издержки транспорта предполагались равными 0, т.е. этот фактор Чаянов вывел за скобки своего анализа. Все продукты сельского хозяйства предлагалось считать обобщенным продуктом А, нормы потребления которого человеком предполагались жестко фиксированными. Город (промышленность) производил продукт Т, потребление которого было эластичным, а производительность труда в промышленности – постоянной.

Здесь же вводилось еще одно важнейшее условие чаяновской модели – «закон убывающего плодородия». Объем производимого продукта А зависит от «количества усилий, прилагаемых к земле», однако «прилагая к единице площади новые и новые усилия, мы будем получать повышение урожая, но каждая новая единица работы будет приносить нам меньший прирост урожая, чем предыдущая единица»<sup>59</sup>. Под «усилиями» здесь понимаются трудовые усилия, т.е. затраты труда (неких «единиц работы»). Важно отметить, что никаких качественных изменений в технологии и организации хозяйства данная модель не предполагала. Поэтому уже из самого этого «закона» прямо следует, что интенсификация хозяйства мыслится как увеличение трудозатрат, и по мере такой интенсификации производительность труда, т.е. производство продукта на 1 работника, неизбежно должна падать. Интенсификация, в этой модели, делает хозяйство менее производительным. Чаянов на следующих страницах иллюстрирует это положение абстрактными цифрами и расчетами (в принятых им соотношениях «урожай десятины возрос в 3 раза, годовая продукция работников упала вдвое»<sup>60</sup>), однако следует понимать, что это положение не вывод, а предпосылка его модели.

---

<sup>58</sup> Чаянов А.В. Очерки по экономике сельского хозяйства. М., 1923. С. 117 – 144.

<sup>59</sup> Там же. С. 118.

<sup>60</sup> Там же. С. 119.

Статья состояла из 2 частей: в первой части всё сельское хозяйство предполагалось состоящим исключительно из трудовых хозяйств, во второй части условия усложнялись, вводилось понятие собственности на землю и наличие капиталистических хозяйств.

На основе принятых предпосылок автор решал вопросы: какое количество населения может существовать при разных степенях интенсивности, какова при этом будет производительность труда, доля потребляемого и отчуждаемого продукта в сельском хозяйстве, численность внеземледельческих работников, соотношение сельских и городских жителей. Количество жителей лимитировалось количеством продукта А, производимого при той или иной стадии развития. Число горожан – количеством продукта А, доставляемого на рынок, т.е. излишками этого продукта сверх внутреннего потребления деревни.

Выводы оказывались не в пользу «города». По мере интенсификации сельского хозяйства, т.е. роста численности населения, абсолютная численность горожан сначала росла, но на известной степени интенсивности, достигнув максимума, начинала падать, относительная же их доля в населении «острова» падала постоянно. «Увеличение ёмкости страны» идет за счет «сильного ослабления городской промышленности», – констатировал Чаянов<sup>61</sup>. При этом наблюдалось падение норм потребления продукта Т: «Говоря иначе, по мере интенсификации хозяйства, уровень благосостояния народной массы значительно понижается за счет эластичного в потреблении продукта Т»<sup>62</sup>. На определенной стадии интенсивности фиксировался предел численности населения «острова», т.е. дальнейшая интенсификация хозяйства уже не могла прокормить большее число жителей. Выводы были абсолютно логичными и имели математическое выражение, но, как нетрудно заметить, они были предопределены предпосылками. Все расчеты автора базировались на изначально принятом соотношении затрат труда и урожая с десятины при изначально заданной же норме душевого потребления А.

Рынок в модели Чаянова рассматривался как простой обмен продуктами города и села. Селяне поставляли на рынок «излишки», т.е. всё произведенное за вычетом собственного потребления, горожане – некое количество Т, которое должно полностью покрыть их потребность в А. Чаянов рассчитывал и цены: цены продукта А в единицах продукта Т и наоборот. Для этого он делал логичное предположение, что свободный переток населения должен обеспечивать равенство благосостояния работников города и села. Следовательно, то количество продукта Т, которое горожанин оставляет на собственное потребление, должно быть средней нормой его потребления для всех жителей «государства». Отсюда цена излишков продукта А при любом данном уровне интенсивности равна цене известного количества продукта Т, соответственно, считается цена единиц этих продуктов. Таким образом, в модели Чаянова было заложено, что цена

---

<sup>61</sup> Там же. С. 121.

<sup>62</sup> Там же. С. 122.

продуктов промышленности определяется ценой сельскохозяйственных продуктов.

Вторая часть статьи разворачивала намеченную картину, усложняя ее дополнительными условиями. Площадь «острова» увеличивалась (исключительно для удобства расчетов) и разбивалась на 5 зон, концентрических кругов разной площади. Вводились издержки транспорта (в % от перевозимого на рынок количества), но только для сельхозпродуктов и только между зонами. Допускалась частная собственность на землю и хозяйство, ведущееся наемным трудом (капиталистическое), но лишь как вкрапление в массу крестьянских хозяйств.

Далее логика была такой. Чаянов рассчитывал, сколько может быть произведено продукта А в каждой из зон при разных степенях интенсивности и сколько А выйдет на рынок с учетом оплаты перевозки в разных зонах. Из этих расчетов определялся порядок заселения зон и порядок перехода в них к следующей стадии интенсивности при росте населения. То есть каждый раз соизмерялось, что выгоднее: уплотнение населения и интенсификация хозяйства в первой зоне или переток населения в следующую зону с соответствующей меньшей степенью интенсивности. Выгодность определялась по тому, сколько А жители могут доставить на рынок в том или другом случае. В итоге выделялась 21 стадия развития «острова».

Переход к каждой новой стадии сопровождался падением благосостояния населения: «...Степени интенсивности и зоны будут вступать в культуру сообразно приведенным выше рассуждениям в порядке последовательного падения свойственных им уровней благосостояния земледельческого населения. Говоря иначе, каждая новая фаза в развитии земледелия будет знаменовать собою значительное увеличение земледельческого населения и падение уровня его благосостояния»<sup>63</sup>. Для каждой стадии вычислялось количество населения, сельскохозяйственного и городского. Результат был, в общем, тот же, что и в первой части статьи: при общем росте населения число горожан сначала растет, затем падает, относительная доля их падает всегда. «...Увеличение ёмкости получается ценою направления на земледельческий труд все большей и большей доли населения страны и сильного относительного, а на высших фазах развития и абсолютного ослабления городской промышленности в общем народнохозяйственном обороте»<sup>64</sup>.

Капиталистическое хозяйство Чаянов также рассматривал в своем «изолированном государстве». Для него предусматривалась возможность произвольно устанавливать уровень интенсивности и стремление получить максимальный чистый доход, который считался как валовой доход за вычетом зарплаты. Чтобы высчитать нужные показатели в рамках своей модели, Чаянов проявил немало остроумия. Понятно, что зарплата («в пределе») должна равняться доходу, который может получить наемный работник, если будет вести собственное трудовое хозяйство. Но для расчета

---

<sup>63</sup> Там же. С. 130.

<sup>64</sup> Там же. С. 133.



параметров капиталистического хозяйства автору надо было все показатели пересчитать с работника на десятину: «Поскольку для рассматриваемого нами ранее трудового хозяйства определяющим моментом является работник, его производительность, его потребление и уровень его общего благосостояния, постольку для собственника земель, пользующегося рентой, – важной является не единица труда и жизни, а единица земельной собственности, доходы и затраты, приходящиеся на десятину обрабатываемой почвы»<sup>65</sup>. (Заметим в скобках, что в одной этой фразе заключена уже целая философия, в которой противопоставлены «труд» и «жизнь» с одной стороны и «собственность» – с другой.) Не загромождая статью изложением чаяновских вычислений, укажу, что подсчитать «зарплату» и «чистый доход» (ренту) он мог лишь для определенной стадии интенсивности. Он сделал несколько таких расчетов для разных стадий, и выяснил, на каких степенях интенсивности капиталистические хозяйства будут прибыльны (или убыточны) в разных зонах. Получилось, что мера интенсивности капиталистического хозяйства в принципе всегда уступает интенсивности трудового хозяйства.

Этот вывод полностью согласовался с теорией и служил для нее иллюстрацией. Распространение капиталистического хозяйства сулило сугубо негативные последствия: понижение валового дохода земледелия в целом, понижение доходов даже и городского населения, ибо процент народного дохода, идущий на зарплату, при господстве капиталистического хозяйства был меньше, чем при господстве трудового, а доходы капиталиста – тем выше, чем ниже зарплата<sup>66</sup>.

Итак, логика принятой Чаяновым теории аграрного развития была однозначна: интенсификация земледелия ведет к аграризации и деиндустриализации страны. Трудовое крестьянское хозяйство эффективнее, чем капиталистическое. Однако эти выводы, особенно тот, что по мере интенсификации сельского хозяйства городское население должно сокращаться, откровенно противоречили действительности и тем самым демонстрировали абсурдность исходных предпосылок организационно-производственного направления.

Верил ли Чаянов в адекватность этих, логически выстроенных им тенденций, или его «Опыты изучения изолированного государства» были лишь интеллектуальной игрой, навеянной эпохой продрозверстки и «военного коммунизма»? Во всяком случае, можно заметить, что именно на этой логике построен сюжет его знаменитой фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). В ней сочными красками нарисован идеал аграризма – некапиталистического, неурбанистического общества, основанного на экономике крестьянского хозяйства и кооперации. Между тем, в своих основных работах Чаянов предпочитал все же не ставить вопрос столь радикальным образом. Там он базировал выводы на иной основе – не на теории аграрной эволюции, а на

---

<sup>65</sup> Там же. С. 134.

<sup>66</sup> Там же. С. 140 – 144.

собственной теории внутреннего строя трудового хозяйства, и стремился не выходить за очерченные ею рамки.

Так или иначе, представляется достаточно очевидным, что организационно-производственное направление имело в виду не только разработку специальной теории крестьянского хозяйства, но и альтернативной теории аграрного развития в целом.

\* \* \*

Бунт против основ организационно-производственной школы в момент ее наивысшего расцвета поднял один из молодых ее представителей, ученик Чаянова Геннадий Александрович Студенский (1898–1930). Имя Тюнена стало своеобразным знаменем этого бунта: свою основную работу «Очерки сельскохозяйственной экономики», законченную в 1924 г., Студенский посвятил Тюнену (не памяти Тюнена, а именно «Иоганну Генриху фон Тюнену»)<sup>67</sup>. Это был вызов.

Студенский самый малоцитируемый и, на мой взгляд, недооцененный из экономистов «круга Чаянова». Его «Очерки сельскохозяйственной экономики» – не учебник, как можно предположить исходя из заглавия, а оригинальный авторский труд. Он носит дискуссионный, местами острополемический характер, и направлен, в частности, против теории аграрной эволюции и сельскохозяйственного районирования Челинцева. Имя и труды Чаянова в книге упоминаются редко и нейтрально, но понятно, что стрелы, выпущенные в адрес организационно-производственной школы в целом, били и по Чаянову лично, как лидеру этого направления.

Собственно к Тюнену в тексте книги автор также почти не апеллировал. Ему было важно отметить лишь, что тот «заложил основы сельскохозяйственной экономики как теоретической науки», был ближайшим из предшественников маржинализма и не был сторонником закона падающей производительности затрат<sup>68</sup>. Однако в контексте книги фигура Тюнена приобретала символическое значение, как символ возвращения от самобытных российских теорий к экономической классике.

Книга Студенского состоит из 14 глав, но, по сути, из двух частей: 1) изложения авторского понимания современной экономической науки о сельском хозяйстве, ее структуры и теоретических принципов, и 2) разработки статистических данных о состоянии сельского хозяйства Европейской России накануне первой мировой войны.

В концепции Студенского мы найдем мало оригинального, поскольку он отстаивал принцип универсальности экономической теории. «Ведь если сельское хозяйство представляет собой вид хозяйственной деятельности, то оно наряду со всеми прочими видами последней подлежит ведению общей экономической теории, – писал он, – Все положения последней относительно образования цен и доходов справедливы и для сельского хозяйства. ...В отношении этих принципов сельскохозяйственной экономики остается лишь

---

<sup>67</sup> Студенский Г.А. Очерки сельскохозяйственной экономики. М., 1925. Развитием идей этой книги стала следующая: Он же. Проблема ренты в крестьянском хозяйстве. М., 1925.

<sup>68</sup> Студенский Г.А. Очерки... С. 14; 43; 329 – 330.

скромно занять свое место на базисе общей экономии»<sup>69</sup>. Но в этом-то и заключалась его оригинальность, с точки зрения той научной школы, из которой он вышел. Организационно-производственная школа стояла на позициях специфичности аграрной сферы, как субъекта экономики, предлагала специальную теорию сельского хозяйства, а в работах Чаянова разрабатывалась и специальная экономическая теория крестьянского хозяйства. Вопреки этому Студенский отрицал необходимость какой-либо специальной теории. Сельское хозяйство рассматривалось им как полноправная часть рыночной экономики, которая вполне описывается в категориях маржинализма. Студенский апеллировал к маржинализму целенаправленно и сознательно, разумеется, не упоминая Людоговского, а обращаясь к именам западных теоретиков, в частности Д.Б. Кларка.

Как и Челинцев и большинство его предшественников, Студенский считал уровень интенсивности основным критерием типизации хозяйств, критерием выделения сельскохозяйственных районов и стадий развития. Он дал ёмкое определение интенсивности: «...Интенсивностью измеряют тщательность использования земли. Понятие интенсивности в сельском хозяйстве есть способ выражения комбинации затрат, – земли, с одной стороны, и всех прочих факторов, с другой»<sup>70</sup>. Интенсивность есть «концентрированное количественное выражение организационного плана сельхозпредприятия»<sup>71</sup>. Измерять интенсивность он, как и Скворцов, предлагал суммой всех затрат на единицу площади, но – важное уточнение – в стоимостном выражении этих затрат. В этом он расходился с Челинцевым, который оперировал различными системами исключительно натуральных показателей. «Интенсивность есть функция соотношения цен, и без цены ни понята, ни измерена быть не может», – утверждал Студенский<sup>72</sup>. Ибо «интенсификация сельского хозяйства происходит в форме смены его типов, причем изменяется как состав затрат, так и состав продукции. В силу этого нет никакой возможности соизмерить производительность в разных типах сельского хозяйства, т.к. нельзя складывать плуги с селитрой, с одной стороны, пшеницу с шерстью – с другой».<sup>73</sup> Понятие цены выступало в его дискурсе ключевым.

Демографическую теорию Челинцева он считал столь же неэкономической, как и примат природно-климатических условий в концепции Скворцова. Общее представление Студенского о «природе экономического» представляет интерес с методологической точки зрения: «Самое противопоставление экономического и неэкономического, определено и навсегда фиксированное, я считаю ложным, поскольку оно противоречит истинной природе экономического явления. ...Экономическое есть особая сторона во всех соприкасающихся с хозяйством явлениях, а

---

<sup>69</sup> Там же. С. 20 – 21.

<sup>70</sup> Там же. С. 31.

<sup>71</sup> Там же. С. 40.

<sup>72</sup> Там же. С. 35.

<sup>73</sup> Там же. С. 50.

экономика есть особая точка зрения на явления, – и далее конкретизировал, – Ограничивая вопрос рамками менового строя, можно сказать, что всё, соприкасающееся так или иначе с процессом ценообразования, относится к области экономического. Именно в цене и в ценообразовании выражаются хозяйственные отношения людей при меновом строе»<sup>74</sup>. Что касается плотности населения, то «это условие целиком уместится в рамках ценообразования и влияет ясно и определенно через соотношение цен. Учитывая рыночное положение, мы учитываем одновременно и действие плотности населения, как сельскохозяйственного экономического фактора, в том числе и плотности земледельческого населения...»<sup>75</sup>.

Студенский отрицал закон убывающего плодородия (падающей производительности затрат), а основным законом экономики считал «принцип наименьших издержек». Именно им регулируется механизм организации хозяйства: «Силою вещей каждое производство помещается там и ведется так, где и как оно дает наиболее дешевый продукт на рынок»<sup>76</sup>. Более того, по его мнению, «этим принципом и только им одним можно полностью объяснить все закономерности в статике и развитии сельского хозяйства»; «принцип наименьших издержек определяет общий размер производства, покрывающий платежеспособный спрос по наименьшей цене, расчленяет его на типы и размещает их в пространстве»<sup>77</sup>.

С этой точки зрения, нет необходимости в особой теории крестьянского хозяйства, как неверно и предположение об особой трудо-потребительской мотивации труда крестьянина. «Всякое сельскохозяйственное предприятие, сколько-нибудь вовлеченное в меновые отношения, всецело руководится расчетом на существующее соотношение цен и этим положением мотивирует строй своего производства. Пусть в нем в конечном счете преобладают натуральные элементы: все они получают оценку при помощи цены, если не на рынке, то в голове хозяина. Всякая теория, пытающаяся объяснить эволюцию сельского хозяйства независимо от рынка и ценообразования, упраздняет себя, как экономическую теорию»<sup>78</sup>. В частности: «Для того чтобы предпочесть натурально-потребительский тип хозяйства, надо признать более выгодным употреблять большинство своих продуктов дома вместо того, чтобы сбывать специализированные продукты и покупать себе все необходимые, – а для этого необходимо предварительно справиться с наличным соотношением цен на разные продукты и с условиями реализации и закупки их. Никакого другого пути для решения этого вопроса не существует, по крайней мере, если брать условия менового строя. В рамках этого строя, по моему мнению, полунатуральные формы сельскохозяйственного производства также твердо обусловлены и мотивированы со стороны рыночных отношений, как и чисто денежные»<sup>79</sup>.

---

<sup>74</sup> Там же. С. 321.

<sup>75</sup> Там же. С. 325.

<sup>76</sup> Там же. С. 65.

<sup>77</sup> Там же. С. 328, 338.

<sup>78</sup> Там же. С. 327.

<sup>79</sup> Там же. С. 329.

Поэтому «полунатуральное хозяйство для своего объяснения не требует никаких дополнительных принципов сверх тех, которыми объясняется рыночное хозяйство»<sup>80</sup>. Разрыв с организационно-производственным направлением у Студенского был решительным и полным.

В эмпирической части работы он демонстрировал применимость рыночных категорий для анализа сельского хозяйства с преобладающим значением крестьянских хозяйств; стремился выявить влияние рыночных факторов на «штандорт» сельского хозяйства, т.е. на строение, организационный тип сельскохозяйственного предприятия и, в соответствии с этим, районировать сельское хозяйство России. В конечном счете, он ставил цель указать направление развития сельского хозяйства СССР в ближайшем будущем<sup>81</sup>. Материалом служила российская дореволюционная статистика, преимущественно 1909 – 14 гг.

От идеи вычислить непосредственно интенсивность сельского хозяйства Студенский отказался, статистически учесть затраты было невозможно. В качестве косвенного показателя интенсивности он принял размер дохода, отсюда вытекала задача – определить «высоту, структуру и рыночность валового сельскохозяйственного дохода, установленные по массовым данным»<sup>82</sup>. Данные он черпал из официальной статистики, хорошо знакомой историкам-аграрникам: урожайной, земельной, населения – по изданиям Центрального статистического комитета, внешней торговли – по таможенной статистике, цены на продукцию – по изданиям «Год в сельскохозяйственном отношении», цены на землю – по данным Крестьянского земельного банка, скотоводство – по военно-конской переписи и ветеринарной статистике, перевозки и городское потребление – по транспортной и т.д. В ряде случаев обращался к земской статистике, ряд показателей выводился расчетно или принимался условно (ремонт стада, сброс поголовья скота, косвенные расходы и др.)<sup>83</sup>. Далее по 50 губерниям Европейской России вычислялись 3 показателя: валовой доход, чистый доход и «очищенный валовой доход» сельского хозяйства. Погубернские данные получались по первым двум показателям, а третий считался только в порайонном и всероссийском масштабе. Третий показатель обозначал «все, что выходит из сферы производства в сферу потребления и рынка», т.е. стоимость натурального личного потребления в крестьянских хозяйствах и продукции, выставленной на продажу. Результаты расчетов приводились в более чем сорока таблицах и соответствующих им картограммах (картограмм было больше, чем таблиц). В частности, были вычислены структура валового сельскохозяйственного дохода по отраслям сельского хозяйства, доли разных отраслей в доходах, доходы на десятину площади и на душу сельского населения, чистые (внегубернские) избытки и недостатки всех сельскохозяйственных продуктов, товарность основных отраслей и т.д.

---

<sup>80</sup> Там же. С. 353.

<sup>81</sup> Там же. С. 129.

<sup>82</sup> Там же. С. 120.

<sup>83</sup> Перечень источников и описание методов получения расчетных показателей см.: Там же. С. 130 – 140.

Каковы были выводы исследования? Чистая доходность сельского хозяйства на душу населения варьировала по губерниям достаточно широко, но в целом правильно повышалась с севера к югу; исключением была Прибалтика с высокой доходностью. Факт разнообразия душевой доходности, по мнению Студенского, уже противоречил теории Челинцева, согласно которой однородный потребительский стимул, или соотношение труда/потребностей, должны были вести к выравниванию этого показателя. Студенский не отрицал наличия связи между плотностью населения и уровнем интенсивности хозяйства, но интерпретировал ее посредством рынка: сгущение населения способствует интенсификации постольку, поскольку вызывает повышение спроса и цен, а не потому, что заставляет крестьян больше трудиться на меньшей площади. Коэффициент корреляции между числом душ сельского населения и валовым доходом на десятину оказался, по его подсчетам,  $+0,587$ , что он считал не столь высоким показателем, как того требовала теория Челинцева<sup>84</sup>. Затем Студенский вычислял ренту, принимая ее равной 5 % стоимости всей сельскохозяйственной земли по ценам Крестьянского банка. Оказывалось, что доля ренты в доходе также была различной в разных регионах и также повышалась с севера на юг. Это также не укладывалось в теорию Челинцева, по которой ожидалось выравнивание рентных доходов по губерниям. Студенский учитывал долю промысловой затраты труда на душу и значение внеземледельческих заработков, они в целом правильно возрастали с юга на север, т.е. обратно рентным доходам. Далее Студенский вычитал ренту из чистых доходов на душу населения, и оказывалось, что остаток колеблется по губерниям в нешироком диапазоне 30–45 рублей на душу. Автор делал вывод, что «затраты труда и капитала на душу стоят в разных губерниях приблизительно на одинаковом уровне», что снова противоречило теории Челинцева, ведь плотность населения по губерниям существенно различалась.

Далее Студенский вычислял среднюю оплату рабочего дня в крестьянском хозяйстве во всероссийском масштабе<sup>85</sup>. По бюджетной статистике определялись средние затраты труда крестьян (70–80 дней в год на 1 взрослого работника) и авансирование основного и оборотного капитала «в постройках, мертвом инвентаре, скоте и оборотных средствах» (100–150 рублей на душу). Из уже вычисленного ранее чистого дохода вычитались рента (5 % от стоимости земли) и процент на капитал (5 % от стоимости всего сельскохозяйственного капитала), получался остаток на оплату сельскохозяйственного труда, который делился на количество затраченных крестьянами Европейской России в течение года рабочих дней. Выходила оплата труда 89,3 копейки в день. При этом средняя зарплата наемного работника в сельском хозяйстве, по статистике 1911–15 гг., составляла 92 коп. в день, т.е. примерно столько же.

---

<sup>84</sup> Там же. С. 358.

<sup>85</sup> Там же. С. 367 – 371.

Вывод Студенского: «Наш сельский производитель получает всё, на что он имеет право при сложившейся хозяйственной конъюнктуре. /.../ Крестьянин не дает себя обсчитывать даже и в наших условиях низкой сельскохозяйственной конъюнктуры. ...Другое дело, если наша сельскохозяйственная конъюнктура не даст ему высокой оплаты труда и, что еще хуже, держит его под гнетом печальной необходимости терять, по крайней мере, две трети своего рабочего времени, не имея возможности с выгодой вложить в сельское хозяйство более чем одну треть. В этом и кроется основная болезнь нашего сельского хозяйства»<sup>86</sup>. Прделанные расчеты давали возможность автору констатировать, что крестьянское хозяйство «подчиняется общей калькуляции», и специфические теории организационно-производственной школы неверны: «С очевидностью ниспровергается и вся легенда о перманентно самобытном и самообусловленном развитии русского сельского хозяйства. Факты показывают, что в природе последнего нет никаких особенностей, присущих только ему и непонятных под углом зрения простой теории менового хозяйства. /.../ И низкая общая доходность сельского хозяйства на душу, и слабое использование сельского труда, и низкие зарплаты на сельскохозяйственном рынке, и бедность сельского хозяйства капиталами, и полунатуральный его характер, и география промысловых занятий – все эти факты неразрывно спаяны между собою меновыми связями и предопределены сельскохозяйственной экономической конъюнктурой страны»<sup>87</sup>.

Полученные Студенским данные представляются весьма актуальными для современной историографии. Они в равной мере опровергают как сторонников русской исторической самобытности, пытающихся опереться на авторитет чаяновской теории, так и тех историков, пишущих о модернизации России на рубеже XIX – XX вв., которые легкомысленно упрекают крестьян в недостатке трудолюбия, сугубо упирая на избыток праздников и выпитого вина. Не «праздность», как следствие удовлетворенности примитивных потребностей, а объективная нерентабельность повышенных трудозатрат в крестьянском хозяйстве были присущи, согласно Студенскому, сельскому хозяйству в громадном большинстве регионов России.

Разумеется, расчеты Студенского требуют обстоятельной проверки, которая сейчас не входит в мою задачу.

Выраженная им идея об объективной обусловленности форм и систем сельского хозяйства, для изменения которых требуется постепенное перерождение всей социальной ткани страны, возвращает нас к Тюнену: «Очень опасно заблуждение, заключающееся в том, что «нужны только соответствующие знания», чтобы ввести более высокую систему хозяйства в мало культурную местность».

\* \* \*

---

<sup>86</sup> Там же. С. 381.

<sup>87</sup> Там же. С. 371 – 372.

В российской аграрно-экономической науке И.Г. фон Тюнен предстает одной из тех знаковых фигур, по отношению к которым происходило самоопределение, как отдельных ученых, так и целых направлений. Основной водораздел проходил между сторонниками осмысления экономики сельского хозяйства в русле общей экономической теории, единой для всех отраслей и стран, включенных в рыночные отношения, и сторонниками создания специальных теорий аграрной эволюции и крестьянского хозяйства, рассматриваемых вне рынка. Для первых Тюнен был крупнейшим из предшественников, для вторых – одним из главных оппонентов и раздражителей.

К первому направлению принадлежали основоположники российской «сельскохозяйственной экономики», читавшие эту дисциплину с профессорских кафедр аграрных вузов в последней трети – начале XX в. Среди них выделяются фигуры оригинальных теоретиков А.П. Людоговского и А.И. Скворцова.

Второе направление представлено учеными «организационно-производственной школы», вступившими в науку в 1910-е гг. и занявшие в ней доминирующее положение в 1920-е гг. Отталкиваясь от тюненовской модели, А.Н. Челинцев и А.В. Чаянов искали аргументы для нерыночных аграрно-экономических концепций, рождавшихся в русле специфического российского дискурса о крестьянах.

Книги Г.А. Студенского середины 1920-х гг. явились призывом к возврату русской аграрно-экономической мысли от самобытных теорий «организационно-производственной школы» к общей экономической теории на современном ее уровне – к маржинализму. Личная идейная эволюция Студенского, приведшая этого талантливого ученика «организационно-производственной школы» к отрицанию ее постулатов, ставит перед исследователями вопрос о возможных перспективах идейной трансформации нашей аграрно-экономической науки в целом, если бы ее развитие не было прервано в конце 1920-х гг.